

Мария ФОМАЛЬГАУТ
ВРЕМЯ
НЕМЕСТНОЕ

@ЭЛИТА

16+

Мария Фомальгаут

Время неместное

Электронное издательство "Аэлита"

2014

Фомальгаут М.

Время неместное / М. Фомальгаут — Электронное издательство "Аэлита", 2014

История доходит до начала двадцать первого века и... замирает. Почему? Забудьте все, что вы знали о времени. Окунитесь в мир четырех измерений, где люди ездят в соседний век так же, как в соседний город. Добро пожаловать. Если пойдет кровь из носа, не бойтесь, это бывает с теми, кто путешествует во времени первый раз. Забудьте все, что вы знали об истории. Окунитесь в мир, где люди буквально переживают взлеты и падения цивилизации, после восхождения к прогрессу падают в пучины войн. Если стреляют, бойтесь, вас тоже могут подстрелить. Можно ли пережить взлеты без падений? Есть ли какой-то путь из прошлого в будущее, не обгаренный кровью? Может быть, вы найдете этот путь.

© Фомальгаут М., 2014

© Электронное издательство
"Аэлита", 2014

Содержание

Пролог	6
Глава 1. В лучшем из миров	16
Глава 2. Телескоп, упавший на солнце	24
Глава 3. Смерть из будущего	31
Глава 10, пришла откуда-то из прошлого	39
Конец ознакомительного фрагмента.	41

Мария Фомальгаут

Время неместное

© ЭИ «@элита» 2014

Пролог

НАША КНИГА ИСПОЛНЯЕТ МЕЧТЫ!
СКОРО ВЫ УБЕДИТЕСЬ В ЭТОМ САМИ!

Дорогие читатели!

Скажите честно, не было ли в вашей жизни такого момента, когда вы выходите из офиса после выматывающего дня, забиваетесь в тесный «пазик», с тоской смотрите на проезжающие мимо дорогие авто?

Не было ли такого, что вы, опять же с тоской смотрите на витрины туристических агентств, манящих на Мальдивы и в Париж, в Лондон и на Гоа?

Не доводилось ли вам, возвращаясь в свою хрущобу, проходить мимо элитного жилого комплекса, читать растяжку: *Квартиры от застройщика*, и понимать, что при ваших более чем скромных доходах, вам НИКОГДА не купить эту квартиру?

ЗАБУДЬТЕ ОБ ЭТОМ!

ОТНЫНЕ У ВАС БУДЕТ ВСЁ, ЧТО ВЫ ХОТИТЕ!

И наша книга – первый ваш в этом помощник. На примерах биографий известных мультимиллиардеров мы покажем вам, как можно добиться успеха буквально с нуля.

Итак, сегодня мы расскажем про выдающегося магната Роберта Дугласа Роттервельда, который на собственном примере доказал:

(запомните эту фразу раз и навсегда)

НЕТ НИЧЕГО НЕВОЗМОЖНОГО!

* * *

У Роттервельда не было образования, он не закончил школу, но его прозрения намного опередили его время. Человек, который, начав с полпенсовика, через несколько лет купил себе особняк. А ведь были времена, когда никто не мог увидеть в замурзанном замухрышке будущего мультимиллиардера, который положил к своим ногам весь земной шар.

Роберт Роттервельд (в детстве его звали просто Роббит – крольчонок) рано остался без родителей, в возрасте семи лет сбежал из приюта и подался в Лондон в надежде попытать счастья на мануфактурах. Великий город встретил маленького оборвыша далеко не приветливо, и только природная смекалка, острый ум и уверенность в себе помогли ему остаться на плаву, в то время как множество его сверстников...

– Слышь, пацанчик, закурить есть?

– Не курю...

– А какого чёрта ты не куришь, когда все курят, а? не, вы на него посмотрите, пацаны, все курят, он не курит, а ну, стой, ком-му сказал!

– Дяденька, пустите, я...

Кто-то хватает Робби, кто-то тащит за шиворот, обшаривает карманы, полпенса, последние, и локон матери, Робби срезал, когда она умерла, локон, перетянутый ленточкой...

– Это что, от твоей девушки? Не, глядите, пацаны, у него и подружка есть...

– А ну отдай!

Робби кидается за локоном, мощный кулак бросает мальчика в грязь, дай-дай-дай-пусти-пусти-пусти...

Хлопки. Резкие. Отрывистые. Два парня падают, залитые кровью, ещё двое убегают в темноту ночи. Кто-то подхватывает Робби, кто-то большой, сильный...

– Чего, пацан, не сильно они тебя?

– Не-е-е...

Полпенса, полпенса последние, и локон жалко...

– Да ты продрог весь... айда со мной...

– Спа... спасибо...

– Да не за что... тебя как звать-то?

– Ро... Робби...

– Роттервельд?

– Ага... а... а чем это вы их? Вот так... хлоп, хлоп... и нету...

– А так вот...

Робби подумывает, как бы не сам дьявол перед ним оказался, ну да ладно, дьявол и то лучше пацанвы этой...

В юности Роттервельд перепробовал множество профессий, он был приказчиком в магазине, рабочим на верфи, каменщиком, штукатуром, почтальоном... Судьба улыбнулась юному Роберту: благодаря своей усидчивости и каллиграфическому почерку он устроился в адвокатскую контору, где вскоре дослужился до помощника юриста. В семнадцать лет Роберт решил попытать счастья на новом, только что открытом континенте...

– Ну, привет.

Роберт оторопело смотрит на человека перед ним. Где-то он его видел, чёрт возьми, где, где...

– Не узнаёшь старых друзей?

Роберт настораживается: может, задолжал кому, не отдал, да это давно было, не пойдёт человек ради этого Роберта искать...

Роберт хлопает себя по лбу, ну как же не узнал, это же...

Чего, пацан, не сильно они тебя?

Хлоп, хлоп – и нету...

– А-а, мистер...

Гость пожимает руку Роберта, не называет себя, вот это странно: не называет себя, где это видано...

– А вы, вижу... неплохо устроились.

Роберт настораживается. Если будет просить в долг, Роберт не даст, правило у Роберта: в долг не давать...

– Слышал, в Новую Англию собираетесь?

– Да, сэр, думаю, что смогу развернуться.

– Бросьте.

– Простите?

– Бросьте. Даже не вздумайте.

– Напрасно вы так, сэр. В себя надо верить, я уже купил билет, уплываю завтра, в десять...

Гость наклоняет голову. Думает.

– Ну что же... Давайте, что ли, разопьём на прощание, когда ещё увидимся...

...Роберт еле-еле разлепляет веки, клеим они, что ли, смазаны, или пришиты одно к другому... долго ищет, где пол, где потолок, нет ни того, ни другого, почему комната ходит ходунком...

Теперь нужно понять, ночь или день, вроде похоже на утро, по утрам в конторе солнце падает на большие часы.

Часы...

Роберт вскакивает, как ошпаренный, смотрит на стрелки на взводе, тянутся к полудню... Оторопело оглядывается, билет, билет, вот он, билет, в руках у господина, вот господин рвёт его на мелкие клочки...

– Как вы спали?

У Роберта перехватывает дыхание, нет слов.

– Вы... вы...

– Всего хорошего... мистер Роттервельд.

Уходит, вежливо откланивается; нет сил подняться, вмазать как следует, руки не слушаются, будто сами по себе...

...гическое событие: в ночь на воскресенье в результате шторма фрегат «Виргиния» пошёл ко дну. Как сообщают очевидцы с фрегата «Пилигрим», на потонувшем судне спасти никого не удалось, по причине...

Роберт стучит в дверь. Осторожно. Неуверенно. Вроде сказали, что господин здесь, знать бы ещё, что сказать господину...

– Слушаю вас... мой юный друг.

– Вы... вы...

– Это я уже слышал.

– Вы... я... хотел... поблагодарить вас...

– Не за что.

– Да как же, я...

Господин смотрит на Роберта. Холодно. Пристально. Под этим взглядом снова чувствуешь себя маленьким крольчонком, у-ух, сейчас отец схватит за ухо: не лазай в погреб, где варенье стоит...

– Ну что же... теперь вы мне верите... мой юный друг?

Однако по-настоящему Роттервельд развернулся уже в Новом Свете: он начал делать бизнес на том, что его современники считали мусором, не заслуживающим внимания. Кто же знал, что через пару лет этот якобы мусор станет...

– Ну что же... мой друг, придётся вам скупать месторождения.

Роттервельд оторопело смотрит на гостя. С ума он сошёл, что ли... так и хочется сказать: вам надо, вы и покупайте.

– Я-то, конечно, куплю, если мне надо... только я хочу дать подзаработать вам.

– Хотите сказать, на этой маслянистой дряни можно заработать?

Роттервельд вспоминает, снова содрогается в омерзении. Ботинки-таки пришлось выкинуть, не отчистил, про брюки и речи нет, домой ехал, в экипаже брезгливо отворачивались, зажимали носы. До сих пор, кажется, воняет, хоть с пемзой оттирайся, хоть с чем...

– Друг мой, вы будете есть на золоте и спать на серебре.

– Ну, хорошо... – Роттервельд поднимает руки, – куплю парочку...

– Не парочку, молодой человек. Все, сколько я вам указал, – гость тычет в карту, – все отмеченные участки.

- Вы меня разорите, сэ.
- Я вас озолочу...

Роттервельд борется с желанием выставить гостя за дверь. Вспоминает «Виргинию». Переводит дух.

- Если... если я не заработаю на этом...
- Никаких если. Без вариантов.

Роттервельд прославился своей способностью находить общий язык с любым человеком. Он никогда не опускался до такой мерзости, как убийство или разорение конкурентов. «Уважение и сотрудничество» – такой девиз Роттервельд повесил над своим рабочим столом, и неуклонно ему следовал.

В дверь звонят. И странное дело: вроде Роттервельд уже не мальчик, уже и слуга подойдёт, откроет, снимет с гостя шляпу и пальто – а хочется, как маленькому, броситься к двери, Роттервельд ждал этого человека, как когда-то ждал отца, с подарками под Рождество...

Входит гость. Роттервельд ловит себя на том, что до сих пор не знает его имени. И ещё на том, что обнимает его. Как отца в детстве. Обнимает... что-то чувствует под ладонями, вроде бы всё при всём: сюртук, холодный с улицы, живая плоть под сюртуком, бьётся жилка на мясистой шее... и всё-таки не то...

– Чуете? – гость подмигивает. Садится в кресло. Роттервельд смотрит на гостя, не понимает: вот тень от кресла, вот тень от столика, от бутылки... и...

Гость поднимает брови:

- Впечатляет?
- Вы... дьявол?
- А вы сами как думаете?
- М-м-м...
- А вам не всё равно?

Гость расстёгивает сюртук, показывает нательный крестик, слабое утешение, очень слабое...

Пьют за встречу. Роттервельд по привычке ждёт какого-нибудь подвоха, сейчас поплывёт комната перед глазами, запляшут стены и потолок...

- Я, собственно... по поводу Фельдмана к вам обращался, – говорит Роттервельд.
- Конкурент ваш?
- К сожалению. Суший дьявол.
- Ну, до дьявола ему далеко, – гость фыркает.
- Я, собственно... как бы его...

Гость хмурится, глаза злые:

– Друг мой, я вам что сказал? Хотите, чтобы я вам помогал, извольте всю подноготную про конкурентов ваших. Кто отец-мать, где родился...

– Достал, достал, – Роттервельд хлопочет, вынимает фотографии, – вот, мать, в девичестве Рэйчел Килпатрик...

- Оч хорошо... Ну что... пойдёмте.
- К-куда?
- А вот... сами нарвались, сказали, что я дьявол...

Роттервельд не понимает. Они выходят на улицу и куда-то сворачивают, не на пятую авеню, и не на сорок седьмую стрит, а куда-то... куда-то...

Куда-то...

Не вправо, не влево, не вперёд, не назад, не вверх, не вниз...

- Пойдёмте. В каком году, говорите, папа-мама его встретились?

– Сорок восьмой...

– Оч хорошо...

Идут куда-то. Через улицы, через пустоши, через опадающие листья, через солнечный зной, через тающий снег, через метель... Роттервельд думает: кто сошёл с ума, он или весь мир, или оба вместе. Гость (как его зовут, чёрт его дери) отмеряет что-то по расчерченным линиям, вбитым колышкам, пятьдесят две, пятьдесят, сорок девять...

– Ну, вот... смотрите, мой друг.

Роттервельд смотрит. По просёлочной дороге несётся повозка, кучер гонит лошадей, скорей, скорей, надо поспеть дотемна. На дорогу выбегает щенок, заливаётся лаем, за щенком бросается молоденькая крестьянка, Панч, назад, назад, копыто лошади бьёт по спине девушки... Пассажир выскакивает из повозки, осыпает кучера крепкой бранью, у тебя глаза на жопе, или где, подбегает к упавшей, ай, м сорри, мисс...

– Вот так они и встретились, да? – кивает гость.

– Кто они?

Роттервельд не понимает. Неужели Роттервельд такой тупой? Вот что значит, в школе не учился, не до того было, вот теперь друг что-то показывает, а Роттервельд не понимает...

– А теперь назад пошли.

Роттервельд пятится. Гость смеётся, хлопает Роттервельда по спине, да нет, не сюда назад. Опять идут куда-то не вправо и не влево, не назад и не вперёд, не вниз и не вверх. Странное такое чувство, тошнота подкатывает, и во рту металлический привкус, будто рот полон крови...

Гость идёт к воротам, постукивает палкой, Панч выскакивает из-за угла, заливаётся лаем, р-р-р-разоррр-р-р-ву...

– Панч, Панч!

Выбегает девушка, прячет под косынку выбившиеся локоны.

– Славный у вас пёсик... – говорит гость, дразнит Панча тростью, – сколько за него возьмёте?

– Ах, сэр, единственная собака в доме, не продадим.

– Тоже верно... знатный будет сторож, ишь, какой шустрый...

Повозка проносится мимо, подняв клубы пыли, Панч несётся за лошадьми, поздно, уже укатили за поворот...

Гость дёргает Роттервельда за руку, пойдём, снова идут куда-то не туда, горло сжимает комок. Что-то прорывает, струится из носа, падает красными бусинками на снег, на проталины, на траву, на опавшие листья, снова на снег...

Странное чувство...

Мерзкое чувство...

Подходят к дому, желудок не выдерживает, вырывается наружу, прощай, индейка с пудингом...

– Что-то вас разобрало... – гость поддерживает Роттервельда, ведёт к дому.

– Всего рюмку хереса...

– Да я не про то. Слушайте, и не подумал даже, что вам плохо будет... я-то как-то привык, сызмальства туда-сюда... ну поначалу подташнивало, а теперь ничего... Вы бы отлежались до завтра, прислуга-то где, давайте вам компресс сообразим...

– И всё-таки... Фельдман.

– Какой Фельдман?

– Джозеф Фельдман, я просил вас...

– Не знаю такого. И никто не знает.

Роттервельд в гневе разворачивает газету, издеваются над ним, что ли? Вот же, Фельдман перекупает нефтяные... а где Фельдман, а нету Фельдмана, Роберт Роттервельд, единоличный владелец нефтяных шахт...

Дальновидность Роттервельда не поддаётся описанию: он умел делать деньги буквально на пустом месте. Он видел то, чего не видел ни один из его современников, умел смотреть в будущее, как никто другой...

Итак, ещё одно главное правило Роттервельда:

СМОТРИТЕ В БУДУЩЕЕ!

– А сегодня, Роберт, мы пойдём на ярмарку.

Роттервельд оторопело смотрит на компаньона. Сдурел он, что ли, работы навалом, третьего секретаря уволил, как сам будет расплуживаться, непонятно, а тут...

– Мне уже не семь годиков, на ярмарку бегать.

– А придётся.

Роттервельд не понимает:

– Вы с ума сошли.

– Отнюдь. Ну, собирайтесь, нечего в конторе сидеть, позеленели весь, скоро плесенью покроетесь.

Что-то прорывает внутри:

– Сэр, я не могу себе позволить прохлаждаться на ярмарке, когда стоят дела. Я думаю, любой здравомыслящий человек на моём месте...

Гость (как его зовут всё-таки?) наклоняется к Роттервельду:

– Фрегат.

Роттервельд не успевает спросить, что за фрегат. Понимает. Обречённо берёт пальто и шляпу.

– На часок, не более.

– Более. Нам придётся пробыть там весь день. Ну-ка выньте изо рта лимон, что вы за рожу соорили... Мы идём за деньгами, Роберт, за деньгами... кстати, возьмите с собой денюжат...

Роттервельд не понимает. Роттервельд покорно идёт за компаньоном. Издеваются над ним, что ли, смотрите, Роберт, что за чудо-повозка, сама едет, без лошадей, давайте-ка прокатимся, ух ты... Пойдёмте, пойдёмте скорее, вы посмотрите, движущиеся картинки, ой, у-х-х, я чуть в штаны не наложил, когда этот поезд на меня попёр... что там, шар воздушный, ой, Роби, не смешите меня, шар... вон, вертолёт тяжелее воздуха, пойдёмте, прокатимся... да не бойтесь... что? Ярмарочная затея, говорите? А мы с вами куда, по-вашему, пришли, в церковь, что ли? А давайте леденец на палочке купим, мне в детстве не покупали... все дети петушков этих грызли, а мамка: нельзя, нельзя, ах, грязные, ах, инфекция...

– Что, простите?

Роттервельд не понимает. Кто вообще перед ним стоит, взрослый мужик, лет сорок, не меньше, или маленький мальчик, который приволок папу на ярмарку, па-а-ап, купи, па-а-ап, а я ослика живого хоцу-у-у, а я карусельку хоцу-у-у-у...

– Вы... хотите... чтобы я купил... это... это... м-м-м-м...

– Не купили. Купили патент. Конечно, хорошо бы и оборудование, технологии купить.

– Патент? Шутите? Я что, буду заниматься балаганными штучками?

– Будете.

– Ни в жизнь. Знаете, есть вещи, которые лично мне...

– «Виргиния».

Роттервельд чуть не давится собственным языком.

– Ну... хорошо. Но поставить на поточное производство...

– Придётся.

Роттервельд в изнеможении падает в кресло:

– Вы дьявол.

Гость кивает:

– Дьявол.

...ну и, конечно, Роттервельд прославился прежде всего заботой о подрастающем поколении. Он открыл множество детских садов, школ и больниц, дети его рабочих всегда были одеты и накормлены. Поэтому один из важнейших лозунгов Роттервельда:

ДЕТИ – НАШЕ БУДУЩЕЕ!

– Сегодня ещё десять умерли, – говорит Роттервельд, вычёркивает в амбарной книге.

– Судьба такая, – кивает гость, – маленькие ещё, слабенькие...

– Что хотите, там нужны именно детские пальчики... Кружевницы наши...

Гость... Кажется, что у него нет имени.

– Люди опять бастуют.

– С ума сходят на конвейерах, вот и бастуют... – гость фыркает, – бездельники, работать мы не хотим, мы только деньги получать хотим...

– Кто ж не хочет. Вы мне скажите, вы мне на кой чёрт все эти заводы военные впарили в жутком количестве?

– Узнаёте. Завтра в Мюнхен летим, с человечком вас одним познакомлю... вы ему предвыборную кампанию проплатите.

– Может, этому человечку ещё личный самолёт подарить и дом?

– Можно. Окупится.

– Только я в немецком не силён...

– И не надо. Молчите и слушайте, он как глухарь на токовище, ничего не слышит вокруг себя... Я с ним виделся, он мне мозг вынес...

– Что, простите?

– Да нет, ничего... так...

Роттервельд кивает. Чувствует себя беспомощной игрушкой в руках этого, кого этого, непонятно...

– Всё-таки... что вы хотите?

– А?

– Что вы... хотите?

Гость прищуривается:

– А кто вам сказал, что я чего-то хочу?

– Ну... так не бывает...

– Всяк бывает...

– Может... вам процент какой с доходов?

– Процент в дело вложите, больше пользы будет...

...во время войны Роттервельд прославился тем, что спас множество людей от неминуемой гибели, помог множеству евреев эмигрировать за океан, оказывал гуманитарную помощь СССР...

Главная заповедь Роттервельда:

ВЕРЬТЕ В СЕБЯ!

– ...а придурок этот до последнего ждал, что мы его из Берлина вытащим...

– Ага, представляю себе его рожу... – Роттервельд вскидывает руку, кричит хриплым басом, – немецкий народ... достоин лучшей участи...

Смеются. Пьют за встречу. За нас с вами и за чёрт с ними, и за всё такое.

– А всё-таки... вы кто?

Гость наклоняет голову:

– А вы как думаете?

Роттервельд никак не думает. Сколько лет прошло, лет триста, не меньше, сколько раз Роттервельд состариться успел, и умереть, и снова родиться в династии Роттервельдов. Династия, хвала Всевышнему, растёт и множится, младшая Берта замуж вышла, в июле первенец будет... Роттервельд думает, может, ему в этого первенца переродиться, ладно, ещё силёнки есть, ещё поскрипим, а вот правнуки пойдут, вот там можно и присмотреть себе замену. А гость всё такой же, волосы те же, тёмные, чуть сединой тронутые, даже в одном и том же сюртуке каждый раз приходит, будто и не было для него этих трёхсот лет...

– Дьявол, – шепчет Роттервельд.

– Дьявол, – кивает гость.

– Нет... нет... не дьявол.

– Не дьявол, – соглашается гость.

Молчание. Надо бы посмотреть у него в волосах, может, три шестёрки где, или ещё что...

– Я что пришёл-то... – Роттервельд открывает чемодан, бережно вынимает хитромудрую машину.

– Уу-берите, видеть не могу, замучился с арифмометрами этими...

– Да и не видьте. Только запатентуйте машинки счётные...

Роттервельд покорно кивает. Да если гость прикажет дерьмо запатентовать, Роттервельд не дрогнет.

– А теперь бумагу возьмите. Пишите.

Роттервельд настораживается, это что-то новенькое...

– Я, Роберт Дуглас Роттервельд в здравом рассудке и памяти завещаю...

...на закате своих дней Роттервельд передал своё имущество своим сыновьям... (запись удалена)

Джон Рокфеллер

Генри Форд

Билл Гейте

Роберт Роттервельд –?

Между строк...

Пространственно-временной континуум.

Учебник для третьего класса школы с углублённым изучением пространства-времени.

Дорогие ребята, в этом году вы начинаете изучение очень интересного и важного в нашу эпоху предмета – пространственно-временного континуума.

Все вы, конечно, слышали о континууме, смотрели на экране путешествия в другие времена и миры. Очень скоро вам самим придётся ступить на путь покорителей других миров и измерений, а пока нам остаётся только пожелать вам удачи в изучении сложного, но очень интересного предмета, ведь без знания теории невозможно стать настоящим исследователем.

Ваши Авторы

Введение

Как менялись представления о времени в разные времена.

До середины XXI века люди полагали, что времени как такового не существует, что время – только последовательность событий, т. е. если не происходит никаких событий, время не движется. Только в 60-е гг. XXI века группой учёных под руководством Сперанского С. Н. доказано, что пространство и время – это самостоятельные, объективно существующие субстанции, которые могут как взаимодействовать друг с другом, так и существовать независимо друг от друга...

Раздел 1 Неподвижное время и события

Вот мы и подошли к изучению событий и времени.

1.1. Для начала, дорогие ребята, рассмотрим самый простой случай, когда одномерное время совпадает с одномерными же событиями.

Здесь время движется в одном направлении, и события происходят...

1

...взрывается раскалённое свертляжёлое нечто, разлетается на мириады осколков, зарождаются первые элементарные частицы, первые атомы, первые молекулы. Мало-помалу формируются галактики, газовые облака сбиваются в звёзды, отпочковывают от себя планеты. Планеты постепенно остывают, земля покрывается океанами.

В первозданном океане, в грязи, в глине, от удара молнии появляются первые молекулы рибонуклеиновых кислот, возникает жизнь. Комочки слизи плещутся в горячем океане, более сильные поедают более слабых, выживают сильнейшие.

Время идёт, первые медузы выставляют свои зонтики, слушают приливы, первые пауки выбирают на сушу, плетут свои коконы. Огромные стрекозы летают над деревьями, которые плачут янтарными слезами. Рыбы неуклюже выползают на сушу, перебирают плавниками. Перепончатокрылые ящеры носятся в темноте ночи. Первые звери прячутся в кронах деревьев от проливных дождей.

Леса отступают, зверям некуда податься, выбирают в степь, привстают на задние лапы, чтобы увидеть, не крадёт ли хищник. Вспыхивает дерево, обожжённое молнией, дикие люди боязливо подкрадываются к дереву, чтобы согреться. Человек в одеянии из шкур мастерит копье. Люди волокут камень на камень, поклоняются первым богам.

Эхнатон хочет основать новую столицу, приказывает поклоняться великому Ра. Чингисхан объединяет монголов. Хан Батый идёт на Русь. После смуты в Москве коронуют Михаила Романова. Колумб собирается в Индию. Братья Райт мастерят самолёт. Рушится Берлинская стена. Марк Цукерберг основывает Фейсбук...

I

Мы с тобой встретились.

Там, на площади.

Помнишь?

Ты ещё спешила куда-то, ты вечно куда-то спешила, волокла сумку, набитую непонятно чем, у тебя ещё порвалась сумка, ты помнишь? Помнишь, как рассыпались по площади не то помидоры, не то яблоки, я кинулся подбирать, ты засмеялась, тоже подхватывала какие-то консервы, окорока, хохотала во всё горло. Я ещё подумал про себя, что раньше никогда не слышал такого смеха, звонкого, заливистого, нежного. Девки современные ржут, как лошади, гы-ы-гы-гы, так бы и дал по морде, извините за выражение...

А ты...

Помнишь?

Я ещё спросил, далеко живёте, а то донесу, куда же вы набираете столько, а что мне прикажете, два раза в магазин идти, неужели некому вам сумки подносить, а кому, попугая прикажете выдрессировать, чтобы в клюве таскал, так, что ли? И смеялась. Смеялась. И чем больше ты смеялась, тем больше я понимал, что никуда не пойду, девушка, а можно на этаж сумку подниму, а у вас глотнуть чего не найдётся, жара такая, я чуть не сварился, да на хрена вы в костюм упаковались, а что мне, раздеться прикажете, боюсь, меня неправильно поймут...

Помнишь?

Ты уже ничего не помнишь.

Потом было что-то, уже потом, миленький, ну тебе трудно, что ли, шторы повесить, да, трудно, ещё на работе паши как чёрт, ещё дома тут шторочки-рюшечки вешай... Ты меня не любишь, всё такое, бросаешь вещи в сумку, хлопаешь дверь, рву газету в какой-то слепой ярости...

Помнишь?

Уже ничего не помнишь.

Потом... уже потом, где-то через месяц, через два, спохватился, одумался, набирал номер, ожидал услышать какое-нибудь разгневанное: «И не звони мне больше», и так далее по тексту.

– А вам кого?

Незнакомый женский голос.

– А... мне Иру.

– А, Ирочку...

Голос дрожит. Срывается.

Так я толком и не спросил, что, где, как, когда, какого чёрта. Почему-то мне всё время кажется: ты садишься в машину, выруливаешь на шоссе, откуда-то из ниоткуда вырывается пьяный лихач...

Помнишь?

Ничего ты уже не помнишь.

И не вспомнишь никогда.

Смотрю на тебя, непривычно неподвижную, берёзовый листик сел тебе на лицо, ты не замечаешь, ты уже ничего не замечаешь, смотришь со своего портрета, не похожая на саму себя...

Глава 1. В лучшем из миров

Ква!

Ква-а-а-а!

– Да-да-да, щас, буду, щас-щас-щас!

Ага, буду я... годика через два. Или через десять. Или вообще когда весь этот город проклятуший истлеет и на куски развалится, глядишь, тогда до работы своей окаянной доскребусь.

Не раньше.

Ква-а-а!

Остальные думают то же самое. Мне так кажется.

Потираю руки, собачка на приборной панели машет головой, ай-яй-яй, встряли мы, хозяин, встряли...

Да уж, встряли, что дальше некуда. Шальная мыслишка, если бы всех их вокруг меня не было, доехал бы в два счёта. Как маленький был, в битком набитом автобусе ревел в давке, пусть все вы-ы-ыйдут, пусть выы-ыйдут, и мать хлопала по затылку, все терпят, и ты терпи...

Ква-а-а-а-а!

Самое смешное, они думают то же самое... эти... все, вокруг, если бы меня не было, глядишь, оказались бы чуточку поближе к работе... ну, чуточку... ну самую капельку... ну...

Город обступает, давит со всех сторон, душит, топчет, окаянный мегаполис. В динамиках надрывается какая-то очередная звездюлька, которую не сегодня-завтра все забудут, всё будет чики-пуки, выше руки, выше руки... Лихорадочно вспоминаю какие-то душеспасительные брошюрки, подброшенные в подъезд, если вы стоите в пробке, расслабьтесь, примите то, что не можете изменить, предоставьте свою судьбу воле Всевышнего...

Всевышний, поди, в пробках не стоит... Его ангелы в колеснице возят, или я не знаю там, кто...

И всё-таки мы живём в лучшем из миров.

И в лучшем из времён.

Я это знаю. Точно.

Ква-ква-ква-ква-ква!

Надрываются сигналы.

Продвигаемся ещё на несколько метров вперёд. Знать бы, что случилось впереди, кто кого поцарапал, кто с кем стоять будет до приезда ги-бэ-дэ-дэшников, и страховщиков, а ещё лучше подойти к этим, столкнувшимся, и расстрелять обоих... Трепещет над городом растяжка, здесь могла быть ваша реклама, уже третью неделю висит, шеф меня с потрохами сожрёт, продать не могу...

Далеко на западе грохнуло. Мощно, сильно, земля содрогнулась, кажется. Вот-вот солнце сорвётся с неба, покатится, обрывая провода.

Переглядываемся с шофёрами.

– Атомной, вроде, рванули, – говорит мужик в соседнем жигулишке.

– Точно, – киваю, – вон как дрогнуло...

Вспоминаем, что мы живём в лучшем из миров. Злоба куда-то уходит, улетучивается. Почаще бы так рвало, глядишь, люди бы у нас добрее и помирнее бы были. Говорят, хрень какую-то придумали от пробок, как придумали, так и запретили.

Потому что нельзя.

Потому что прогресс.

А прогресс нельзя.

Продвигаемся ещё ненамного, по цепочке водилы передают друг другу про трамвай, в который врезалась газелька, мысленно материм водилу газельки, мысленно желаем ему...

... чш, чш, живём в лучшем из миров...

Снова звонят, снова клянусь в трубку, что буду-буду-буду-еду-еду-еду. Шеф, скотина, на работе уже, ему про пробки говорить не надо, он только театрально руками разведёт, скажет: а я что, на самолёте сюда летел?

Поток машин движется вперёд, живее, живее, неужели проскочили, да быть того не может, жму на газ... чёрт, опять встали, ну ещё бы не встали, куд-да ты вперёд меня прёшь, пшёл вон...

Торможу...

Торможу...

Ещё ничего не понимаю, ещё жму на тормоз, ещё-ещё-ещё, ну не сейчас, не сейчас, ну пожа-алуйста, остановись, мгновенье, ты прекра-асно...

Бумс.

Как я ненавижу этот звук... собачка на капоте вздрагивает, машет головой: да-да-да, попали мы, хозяин...

Смотрю на «мерин» впереди, припоминаю какие-то анекдоты, на перекрёстке «жигулёнок» врезается в «мерс», оттуда выходят крутые братки... а вот дальше я не помню. Блин, сколько анекдотов знал, всё из головы выпорхнуло, вот что значит врезался...

Собираюсь с духом.

Выхожу.

Хозяйка «мерина» несётся навстречу рассвирепевшей фурией, не могу разобрать слов за визгом, да может и нет там никаких слов, крашенные волосы, крашенные губы, визг-визг-визг...

– Да уймись уже, задолбала меня сегодня, – краснощёкий здоровяк вылезает из «мерина», шагает ко мне, – тебя, парень, сразу убить или потом?

Сзади отчаянно сигналият, чего сигналиите, не видите, что ли, дорожная... надо бы треугольник выставить, только нет у меня никакого треугольника, щас, найду в багажнике ведро какое-нибудь...

– Пенёк хренов! – орёт кто-то сзади.

– Да сам ты... – водитель «мерина» раздражается отборной бранью, думает, что *пенёк* адресован ему.

Снова грохочет.

Там, на западе.

Сильно, гулко, бу-у-м-м-м-м, грянуло стекло в какой-то высотке.

Замираем.

Все, разом.

Смотрим на запад, в ту сторону, где наше Плато плавно переходит в Склон. Смотрим на дым пожарищ и небо, затянутое пепельно-серыми тучами. Интересно, что на этот раз рвануло, ракета ядерная или что похуже.

– В лучшем из миров живём, – говорю я.

– Куда уж лучше, – хозяин «мерина» хлопает меня по плечу, – чё, с тормозами нелады?

– Ну...

– Бывает... я вот тоже так... там автобус впереди ехал, я в него... блин, сто веков уже на ней езжу, ни хрена нового не будет...

– Не будет, – киваю, – прогресс же...

– Ну чё, давай звонить, что ли...

Утешаю себя, что живём-таки в лучшем из миров, ищу в телефоне страховщика...

– Дяденьки, Турка! Турка!

Чумазая девчущка бросается к нам, тянет за рукава, да что за чёрт, совсем обнаглели цыганята...

– Иди, иди, играй, – отстраняю девчонку, она трясётся в рыданиях, да что за чёрт...
Бормочет про какого-то Турку, да что за Турка, что с ним там...

- Да что с ним, ты говори нормально-то!
- Упал... у... пал...
- С крыши, что ли? Или из окошка выпал?
- Не-е... по клоуну...
- По какому клоуну?
- По кло-ону...
- По какому...

Наконец, до меня доходит. Холодеет спина: во, блин, по Склону... ну ясное дело, пацанве всякой делать больше нечего, по Склону бегать, пробраться за ограждения, за таблички ПРОХОД ЗАПРЕЩЁН, кто дальше, кто больше, а я во-он куда забежал, а я во-он куда, а я до трёхтысячного года добежал, врешь ты всё, а я во-он какую штуку нашёл, а я вон какую штуку, меняемся?

Мы тоже так бегали. По молодости. Состязались друг с другом, кто забежит дальше всех.

Победитель, как правило, не возвращался. На следующий день в класс приходила директриса, трагическим голосом сообщала про того, кто не вернулся, ах, ах, дети, ни за что, никогда туда не ходите...

Кивали.

И ходили.

У меня до сих пор где-то патроны валяются... оттуда...

Хочу объяснить девчонке, что я занят, за-нят, пусть обратится к кому-нибудь другому, тут же спохватываюсь, что кто-нибудь другой скажет то же самое...

Сворачиваю в арку, перемахиваю ограждение, (ПРОХОД ЗАПРЕЩЁН), оказываюсь там.

Пробирает холодок, мерзёхонький, колючий, у них тут климат какой-то другой. Оглядываю склон, залитый сумеречным светом. Где-то хлопают выстрелы, рыльца пушек плюются огнём там, там, в тумане...

Где он может быть, этот пацанёнок...

Куда его чёрт занёс...

– Где он... Колька твой, или кто там?

– Та-а-ам!

Девчонка показывает куда-то, куда-то, непонятно, куда. При одной мысли, что придётся туда идти, всё внутри сжимается, как перед дверью стоматолога. Вообще, чего ради я попёрся, есть же, в конце концов, спасатели, чего я-то... А чего спасатели, можно подумать, они кого-то спасают, только руками разведут: пропал без вести...

Спускаюсь по склону. Осторожно, шаг за шагом, ноги скользят в чём-то, то ли в снегу, то ли ещё в чем. Что-то обжигает щёку, вот чёрт, я и забыл, что здесь не райские кущи... Пригибаюсь к земле, ползу на четвереньках, снег обжигает руки... у нас август, а у них снег... Девчонка вертится рядом, трещит без умолку, как они с этим Стёпкой или как его там, пошли, кто дальше, это не они, это всё Кабан решил пойти, он в седьмом классе, его все ребята слушаются, а Кабана подстрелили, а Витька этот или как его там, он там заблудился, и...

– Домой уже иди, хочешь, чтобы и тебя туда же? Иди, иди уже...

Не умею я с девчонками, сейчас бы ей шлепака хорошего дать, чтоб под пули не лезла, да потом её родители меня по судам затаскают... за сексуальные домогательства...

Ничего, поняла вроде, убралась. Кричу в дымную темноту, в лёгкую метель:

– Лёоо-о-о-шка-а-а-а!

...или как тебя там...

Детский крик. Откуда-то оттуда, из темноты, где хлопают выстрелы. Вот тебя куда чёрти занесли, поросёнок ты окаянный... Не иначе пушку какую-нибудь нашёл, или ещё чего, вот

так вот таскают всю эту дрянь домой, тайком от папы-мамы, потом в газетах заголовки, подросток подорвался на гранате, которую принёс со Склона... И комменты, а-а-а, родители целыми днями на работе, сына за комп сунут, и дело с концом, вот дети и не знают, чем себя занять... вот мы в их годы... вот так же не знали, чем себя занять, так же на Склон таскались, потому что родители на работе целыми днями...

Спускаюсь по склону. Осторожно-осторожно, больно покалывает сердце, солоно-солоно во рту, так всегда бывает, когда переходишь из года в год. Из родного две тыщи пятнадцатого в две тыщи шестнадцатый, и дальше – семнадцать... восемнадцать...

На двадцать втором останавливаюсь, перевожу дух. Сердце, окаянное... да что окаянное, не создан человек для того, чтобы по временам туда-сюда ходить. Это ещё полбеды, вот когда обратно пойду, вот там будет дело, там и голову сожмёт клещами, и рвать будет...

...откуда знаю?

Как не знать, кто из нас пацанами сюда не бегал... только мы как-то нормально сюда бегали, до туманов, до метелей, подбирали оброненные перчатки, шлемы, гильзы, убегали – со всех ног – если слышали стрельбу...

А теперешние...

– Ди-и-имка-а-а!

...или как его там...

– Ту-у-ута-а-ая-я-я-я-а-а-а!

Где ты тута... Куда тебя чёрт занёс... А что, интересно же вот так спуститься по склону в тёмную бездну, где хлопают выстрелы и грохочут взрывы... посмотреть, что будет там, там, в следующем году, и в последующем, и через год. И ничего, что никому никогда об этом не расскажешь, потому что иначе выдерут тебя дома, как сидорову козу, все равно... знать... что там... там...

– Гри-и-и-шка-а-а!

...или как там его...

– Я-а-а-а!

Иду на крик... чёрт бы драл пацанёнка, далеко убежал... Ладно, знаю, сам вот так бегал, потом просился к временщикам, которые уходили туда, за две тыщи двадцать пятый и дальше, дяденьки, а возьмите, дяденьки, я помогать буду, мал ещё, годиков в двадцать приходи... Дяденьки, да вы не смотрите, что мне десять, я всё умею...

Потом уже, лет в двадцать, мыкался в поисках каких-то работ, кто-то на бирже труда вякал, вот, временщиков не хватает, я фыркал презрительно, я что, дерьмо съел, во времени ковыряться?

Две тыщи тридцатый...

...тридцать первый...

...тридцать третий...

На тридцать четвёртом сердце сжало клещами, подкатили спазмы, хотелось тошниться, не тошнилось, лучше бы вывернуло наизнанку, легче бы было...

Снова обожгло щёку, вот с-сука... падаю в снег, ползу, где ты, Витька, или как тебя там, найду, бошку оторву к хренам собачьим...

Натыкаюсь на кого-то, чёрт, сейчас прихлопнет меня как муху.

– Простите... я... мальчика потерял...

Солдат не отвечает, лежит на мёрзлой земле, сжимает винтовку.

– Разрешите... я... пройду?

Молчит. Что он задумал, м-мать его...

– Я... не ваш... я... из прошлого... не из вашего времени...

Осторожно касаюсь его плеча, солдат скатывается вниз по склону.

Ёкает сердце.

Блин, я и забыл, что здесь убивают...

Тридцать пятый год... вот чёрт занёс пацанёнка...

– Лё-оо-о-шь!

Не отвечает. Может, грохнули его уже там, тогда вообще какого я здесь, заворачивать надо... легко сказать, заворачивать, Плато еле-еле виднеется вдаль... вот так и теряют дорогу, вот так и остаются здесь... навсегда... пока не пристрелят...

Ползу. Соскальзываю, теряю равновесие, кувыркаюсь по склону, на какие-то доли секунды теряю сознание. Долго не могу выцарапать себя из обморока, сердце мечется в поисках выхода...

Кто-то прыгает на меня, замурзанный солдат, обросший щетиной, заносит клинок... мать моя женщина, русским по белому говорят, не ходите на Склон без оружия, да вообще не ходите на Склон, какого хрена вы там забыли-то?

Наши глаза встречаются...

Чёрт, где я видел это лицо...

Где...

– Не узнаёшь? – он смотрит на меня весело, насмешливо.

– Не...

Ёкает сердце.

Узнаю...

Редкий случай, даже не знаю, к чему он, к счастью, или к беде. Нет, вроде как встреча с самим собой не предвещает ничего хорошего, так все хронологи говорят... хронологи... хронологи...

Расходимся. Сейчас бы поболтать, перекинуться парой слов, что, да как, да ты тут как, да какими судьбами... только нельзя. Так можно и всю историю шиворот-навыворот повернуть...

Расходимся. Бегу дальше, в темноту, натыкаюсь ещё на кого-то, бью – больно, сильно...

– У-у-у, за что?

Обиженный детский голосочек, а, вот ты где, Минька, или как тебя там...

– Дяденька, я из прошлого...

– Ага, знаю... пошли.

– Дяденька, да я...

– Да ты, ты... айда уже... домой...

– Пус-ти-те...

– Ты чё, парень? Во время своё не хочешь?

Смотрит на меня, улыбается, ага, спохватился, наконец, что я из его времени...

Идём назад. Назад идти тяжелее, и не только потому, что по склону. Склон, это ещё полбеда, а вот по времени назад, это да, на каждом рубеже во рту становится солоно-солоно, сердце сжимается клещами, больно-больно, ноги подкашиваются... Тяжело идти против потока времени, из дня завтрашнего в день вчерашний, вроде и не чувствуешь этот поток, только грудь сжимает и кишки наизнанку...

На полдороге всё-таки вывернуло, хорошо вывернуло, прощай, утренний кофе со сливками... Стало как-то легче, хоть мутить перестало, появилась надежда, что дойду-таки до своего времени...

Воздух свистит пулями. Плюются огоньками невидимые в темноте пушки.

Две тыщи тридцатый...

– Стой, малец... передохнуть надо...

– Стра-ашно.

– Сердце остановится, вот будет страшно. Видишь, рубеж десятилетий, отдохнуть надо... ты-то молоденький, у тебя сердечко крепенькое, а у меня уже на ладан дышит...

Идём. Медленно. Осторожно. Переступаем через трупы, ржавые обломки каких-то орудий, на ходу подбираю какой-то хренфон тысяча какого-то поколения, может, работает... Темнота выплёвывает на нас солдата, он замахивается ножом, сам не понимаю, зачем нажимаю на кнопки хренфона, может, подумает, что мы из его времени, из его армии... хренфон плюётся синими лучами, солдат растекается по земле кровавым месивом.

Мальчишка зажимает рот рукой.

– Ты этого не видел.

– Ага, – кивает, забавно таращит глазёнки. В тумане проблёскивает Плато, родное, милое, огромный город, визжание и кваканье сирен, ква-а-а, ква-а-а, гау-гау-гау-фью-фью-фью...

Грохнуло. Где-то там, сзади. Сильно, крепко, швырнуло взрывной волной нас в снег. Оглядываюсь, вижу где-то там, там, там, над туманом, шляпку атомного гриба.

– Во рвануло.... Клёво...

– Пацан, тебе чё, ещё приключений мало?

– А я чё... а я ничё, я, что ли, бомбу эту бросил?

– А может, и ты, кто тебя знает... стал в будущем каким-нибудь диктатором... из-за тебя, может, вся войнушка эта...

Смотрит на меня испуганно, неужели поверил... а нет, заулыбался, понял, что шучу... хоть на том спасибо...

Небо гудит, расправляет крылья, бросает бомбы, земля ощеривается взрывами. Что-то мы сюда в самый разгар войнушки попали, ну как всегда, как посмотришь из своего времени, тишь да гладь, а как зайдёшь за ограждения, начнётся, пиф-паф-ой-ёй-ёй...

Обжигает плечо. Больно. Сильно. Под лопаткой. Там, где сердце.

Во, блин... Земля выскакивает из-под ног, больно бьёт по лицу. Пацанёнок бежит к ограждениям, на Плато, во, гадёныш... а что гадёныш, всё правильно, мамочка с папочкой учили, лежит на улице какой-нибудь, не трогай, не подходи, не помогай, он грязный, он пьяный...

Не, вернулся, потащил меня за руки, куда так тянешь, ты бы меня ещё за волосы потащил... давай, пацан, я и сам потихоньку могу... что-то влажное, липкое стекает по спине, да что – что-то, как будто я не знаю, что это что-то... какая-то колючая хрень вонзается в руку, выдёргиваю чьи-то истлевшие косточки...

Падаю на ограждения, колючая проволока не пускает, должна же быть тут дыра, просто обязана... Женька, или как его там, услужливо выстригает дыру ножничками, тащит меня, погоди, пацан, б-больно...

– Сюда нельзя.

Голос часового, как в тумане.

– Ты чё, а?

– Ты мне не чёкай, у вас своё время, у нас своё.

– Да чё время, мы из вашего, во, блин! – орёт Гошка или как его там – Ты по шмоткам моим не видишь, слепой, чё ли?

Так и хочется гаркнуть на него, ты как со взрослыми, тебе кто разрешил взрослым хамить, вот мы в ваши годы... вот так же хамили, если не больше.

– Это кто с тобой... тоже наш, что ли... Эй, парень, вставай давай потихонечку... во-от так... пошли, пошли... и-дет-бы-чок-ка-ча-ет-ся...

Кто-то подхватывает меня, кто-то ведёт в город, к людям, машины в пробке стоят, милые вы мои, родные, водилы злые, как собаки, хочется перецеловать их всех, всех, чумазные цыганята тянут смуглые ручонки, да-а-а-ай, да-а-а-й, так и тянется рука раздать им всё, что есть в бумажнике, или пойти вон купить самого большого плюшевого медведя, вон той замурзанной девчушке...

Как по воздуху плетусь к жигулишке своему, где стоит хозяин джипа, милый мой, дорогой, в какое время всё-таки замечательное мы живём... спохватываюсь, он что-то не рад меня видеть, смотрит на меня, на пацанёнка, так и кажется, выпустит из глаз синие лучи...

Пацанёнок идёт к хозяину джипа, бормочет что-то...

– Ты чё, пацана моего вытащил?

Кажется, обращается ко мне. Не понимаю.

– Во, мужик... Эстелла, ты гляди, Артурка наш опять туда попёрся, а этот его выволок! Во мужик... не перевелись ещё... на земле русской...

Ничего не понимаю. Почему он трясёт мою руку, почему я вою от боли, как оглашённый, почему усаживает в джип, а-а-а, осторожнее, сиденья-сиденья-сиденья, кровью заляя-а-апаю... почему... по кочану. Да по капусте. Кто-то срывает с меня костюм, прощупывает плечо, тью-у, парень, рана-то пустяковая, кровищи, правда, много...

Надрывается телефон, не сразу понимаю, что мой, неприятых вызовов до фига и больше, шеф, шеф, шеф-шеф-шеф, шефшефшеф, долго не могу нажать зелёную клавишу...

– А... да-да-да, буду-буду-буду, щ-щас...

– Можете и не приезжать, вы...

Даже не сразу понимаю, что он сказал, киваю, да-да-да, счас, счас, приеду, а почему не надо, а...

Только потом до меня доходит....

Можете больше не приезжать...

Тьфу, блин...

Падаю на сиденья, мир проваливается в тартарары...

Между строк...

1.2. Рассмотрим ещё один вариант одномерного времени, но на этот раз события у нас существуют в трёх измерениях.

Из рисунка мы видим, что только один вариант развития событий попадает на время, все остальные события находятся вне времени. То есть существует только один вариант событий, другие «живут» только потенциально, в возможностях, в планах, в вариантах, в «Если бы».

2

Жизнь не выходит на сушу, навеки остаётся в глубинах океана. Братья Райт погибают, разбиваются при испытании своего самолёта, авиация так и не получает должного развития. Крохотное поселение первобытных людей погибает – от эпидемии, от голода, от какой-то нелепой случайности. Нишу сапиенс сапиентис занимает другой вид. Разумные пауки. Разумные летучие мыши. Разумные осьминоги.

Кто-то из приближённых убивает Чингисхана, хан Батый не идёт на Русь.

Хан Батый идёт на Русь, сжигает славянские поселения дочиства, территорию России занимают монголы.

Климат Земли не меняется, нет великого оледенения. Ящеры продолжают господствовать на Земле, зачатков разума нет и не будет.

Земля сталкивается с астероидом, раскалывается на части. Жизнь зарождается в другом уголке вселенной много миллионов лет спустя.

Компьютеры появляются намного раньше, к концу XX века искусственный интеллект полностью вытесняет людей из всех сфер промышленности. Люди частично вымирают, частично возвращаются к первобытному состоянию, постепенно дичают.

Человечество так и не смогло выйти в космос. Нет спутниковой связи.

Бурное развитие мистики, эзотерики, люди делают основную ставку на магию, сверхспособности, учатся жить в гармонии с природой.

В точке сингулярности нет достаточной массы для Большого Взрыва. Вселенная не появляется.

События.

Из раздела – если бы...

II

Надо спать.

Какое там, к чёртовой матери, спать. Ворочаюсь в постели, перебираю все варианты, как могло бы быть, если бы, ох уж это проклятушее – если бы...

Повесил бы тебе эти окаянные шторы, или что тебе там надо было, сам же раньше старался предугадать и выполнить любое твоё желание, а то, может, кофейку заварить, а то, может, купить чего, а то, может...

Или сгрёб бы тебя в охапку, в объятия, люблю тебя, всё такое, на хрена они нужны, эти шторы, смотрят все, и пускай смотрят, завидуют чёрной завистью, так им всем и надо...

Или позвонил бы тебе наутро после той ночи, когда хлопнула дверь, прости меня, люблю тебя, всё такое. Первые дни бросала бы трубку, и не звони мне больше, и ненавижу тебя, забрасывал бы тебя сообщениями, люблю тебя, всё такое... приносил бы цветы к дверям твоей квартиры...

Бы...

Ох уж это бы...

Может, и не помирились бы... Да это неважно, неважно. Увидел бы тебя в тот вечер, как ты садишься в машину, кинулся бы к тебе наперерез, не смей, не смей этого делать, дай я за руль сяду...

Или...

Представляю отчаянный случай, как я выхожу на улицу, меня сбивает насмерть тот самый пьяный лихач, его хватает полиция, и до тебя этот идиотище уже не доберётся...

Или...

Или...

Перебираю в памяти варианты.

Я их не вижу.

Я только чувствую их, они где-то рядом, здесь, только дотянуться до них не могу, потому что они вне времени...

Глава 2. Телескоп, упавший на солнце

На табло над площадью высвечивается первое сентября две тыщи пятнадцатого года.

И год назад здесь высвечивалось первое сентября две тыщи пятнадцатого года.

И год назад.

И десять лет назад.

– Неправильно.

Дрель Дрелич смотрит на мой отчёт, фыркает по-хомячьи, сопит носом, говорит:

– Неправильно.

Вот терпеть его за это не могу. Сам не знаю, за что. Вроде бы не орёт, как Вик Викыч.

– Я-стесняюсь-спросить-ты-на-кой-чёрт-сюда-припёрся-идиотище.

Вроде бы не бормочет таким ехидным насмешливым шёпоточком, как Сом Сомыч...

– Молодо-ой челове-ек, а вы в школе вообще учи-ились? А что-то незаме-етно...

Вроде бы не ворчит, как Пал Палыч:

– Понаберут дебилов, а мне потом учить... нет, не умею я с дебилами... не умею...

Только посмотрит на расчёты, скажет:

– Неправильно.

А у меня всё так и кипит, и клокочет внутри. Хочется убить его... или себя. Или нас обоих. И так и кажется, что сидит этот Дрель Дрелич в аспирантах, а власти у него побольше, чем у некоторых будет.

– А... ч-что?

– Солнце. Вот, посмотрите. Оно у вас каждый день всё выше и выше поднимается.

– Ну... осень же... так должно же...

Тут же краснею до кончиков ушей. Зря я ему возражал, лучше бы я этого не говорил...

– Так оно опускаться должно. У вас и звёзды поднимаются. И луна...

...и гром небесный, – мысленно добавляю про себя.

Дрель Дрелич смотрит на меня. Многозначительно. Мысли он читает, что ли...

– Переделайте.

Переделайте. И всё. И ни слова больше. И поди-разбери, где что не так посчитал, да всё везде так посчитал, не знаю, какого чёрта солнце не оттуда на небо выехало...

Хочется колотить кулаками в стену. Сильно, больно, отчаянно. Действительно, на кой чёрт я сюда попёрся, ну надо же было куда-то переться, на безрыбье и рак рыба... кушать-то хочется... Менеджеров развелось как грязи, ткнёшься в какую контору, смотрят на тебя, как... даже не скажу, как на что, напяливают дежурную улыбку:

– Большое спасибо, мы вам позвоним...

...и чёрта с два вы мне позвоните.

Нет, был, конечно, вариант, универсальный, на все случаи жизни, в хронологи, в хронологи, о-ох, как нашей стране хронологов не хватает, досрочный выход на пенсию, до которой вы не доживёте, отпуск сорок дней... до которого вы тоже не доживёте, ваши родственники получают компенсацию...

Пошли на фиг...

А теперь начинаю понимать, что есть кое-что похуже всякого хронолога. Это обсерватория. Здесь. На вершине башни. Помню, таскали нас сюда ещё в школе, показывали какие-то космические выкрутасы, которые светились и крутились, и это было здорово. Помню, тоже одно время мечтал быть астрономом, парни в школе только крутили у виска, ты чё, с дуба рухнул?

Теперь понимаю, почему.

– Ну, молодой человек... мы вас возьмём, кадров-то не хватает... только зарплата у нас... сами знаете... никакая...

– Знаю.

– Где живёте?

– Да вон... в соседнем квартале...

– Ну, вот и отлично, пешком ходить будете... я тоже пешком хожу, мы все пешком ходим... полезно... ну а какие у вас планы... на будущее?

– Работать... здесь... всю жизнь астрономией интересовался, хочу уже... послужить науке...

Ну что ты так смотришь на меня, что смотришь, сам же знаешь, пришёл сюда от безысходности, и как только подвернётся что-нибудь стоящее, только вы меня здесь и видели...

– Меня просто... ваше спокойствие поражает... по поводу зарплаты...

Меня самого моё спокойствие поражает. По поводу всего. Надо искать. Хоть что-то стоящее. И побыстрее. Грёбанный капитализм, грёбаное всё...

Утешаю себя. Вслух.

– Всё-таки, живём в лучшем из миров.

– Ну... вашими бы устами...

Кадровик смущённо улыбается.

...страживаю с себя сонное оцепенение, замечтался... а что тут ещё делать, когда сидишь над этими расчётами, как проклятый...

Поднимаюсь на вершину башни. Здесь можно побыть наедине с собой. И со всем миром. Отсюда видно Плато, и огромный мегаполис, раскинувшийся по Плато от края до края. На юге и на севере Плато обрывается в бездну, в небытие, может, там есть какие-то другие времена и миры, не видимые нами. Не знаю. Не видел.

К востоку плато переходит в склон, на нём видны дымные фабрики, обломки транзисторов, электронных ламп, каких-то первых искусственных спутников. Дымные пожары войн, новое поколение уже и не знает, что это за войны. Отлетавшие своё кукурузники. Какие-то допотопные вундервафли времён непонятно чего.

В ясную погоду можно увидеть кусочек девятнадцатого века – там, по склону, можно заметить, как пытит по рельсам какой-нибудь первый паровозик, чумазы парни кидают уголь в ненасытную глотку печки...

На западе плато переходит в склон. Склон, уходящий резко вниз. Дым пожаров. Грохот атомных взрывов. Синие всполохи, теперь-то я знаю, что это за всполохи. Ещё какие-то вспышки непонятно чего.

В ясную погоду можно увидеть...

Да ничего там нельзя увидеть. Ни в ясную, ни в какую. Склон, уходящий резко вниз. В темноту.

Отсюда же, с башни, видна крыша Дворца Народов, где люди власти когда-то подписывали договор, что дальше не пойдём. Туда, на склон. Дальше две тыщи пятнадцатого. Историческое место и всё такое.

Севернее...

– К вам мальчик.

– Чего?

Оторопело смотрю на прыщавого лаборанта, какой чёрт его сюда занёс.

– Какой мальчик... сынуля мой, что ли?

Тот разводит руками:

– Откуда я знаю, как ваш сынуля выглядит?

Я уже сам не знаю, как мой сынуля выглядит, полтора раза его видел...

– Ну... пусть зайдёт.

– Пропуск ему выписать?

Вот, блин...

– Ну, выпишите...

– Тогда паспорт ваш нужен...

Кусаю губы... знать бы ещё, на кого я выписываю пропуск...

Он заходит, легко так, как к себе домой, смотрю на него, чувствую, что встреча не предвещает ничего хорошего...

– Ну, привет...

...Минька, или как тебя там.

– А... здравствуйте, – усаживается в кресло, как у себя дома, ну правильно, папочка его скоро весь мир купит...

– Это... папа вам передать велел...

Лёшка, или как его там, протягивает мне пухлый конверт. Мысленно отмечаю про себя, что конверт надорван с края, как бы Васька или как его там, из конвертика уже не пощипал. Ну, да и ладно, дарёному коню зубы не смотрят...

– Спасибо большое.

Хочу добавить, как раз кстати, с работы турнули, сынуля девятый класс кончает, алименты платить, и... ладно, кому это всё интересно...

Пацанёнок не уходит. Сидит. Как у себя дома. Ну что, что тебе ещё надо, чаем тебя, что ли, должен поить... с конфетами? Я вообще-то сам домой идти хотел, если ты не в курсе...

– Ну, чего такое?

Он смотрит на меня в упор, ёрзает на кресле, хочет что-то сказать, что он там задумал... Только не надо, пожалуйста, а можно я телескоп посмотрю, а можно я вон ту ручечку покручу, а где у вас машина такая, которая...

Пошёл вон.

– Я это...

– Ну, чего?

– Там... на склоне... когда мы... я видел.

Гром среди ясного неба.

Вот этого я и боялся. Нет, ещё надеялся на что-то, что пацанёнок умный окажется, да где они умные-то... Ещё надеялся, хватит у него умишка не ляпнуть, что я там, на склоне, человека подстрелил. Я вообще его убивать не хотел, если уж на то пошло, я же не знал, что штука эта синими лучами выстрелит. Да что не хотел, да, хотел, он сам хорош, напал, и вообще, законная самозащита, и вообще...

И вообще...

Протягиваю пацанёнку конверт.

– На. Тебе.

– Не-е, это вам папа просил...

– Ну а я тебе дарю.

– Да не-е... мне папа каждый день по столько...

Чуть не давлюсь собственным языком. Мда-аа, чтобы такого задобрить, это квартиру продать надо и самого себя на органы...

– Я видел, – повторяет мальчишка.

Так и хочется сказать ему, дурище ты, дурище, я тебе жизнь спасал, а ты...

– Вы же тоже... видели, да?

Кусаю губы.

– Ну... что ты хочешь... чтобы ты молчал?

– А чё молчать-то?

- А то... будто сам не знаешь.
- А что... про это говорить нельзя... что мы видели?
- Нет, конечно.
- А чё будет?
- То и будет... тюрьма мне будет, вот что...
- Как-кая тюрьма? За то, что там другая вершина, вам тюрьма будет?
- И снова гром среди ясного неба.
- Какая ещё... другая вершина?

Другая вершина, другая вершина...

Начинаю припоминать. Ну да. Там. На склоне. Когда воздух свистел от пуль, и земля ощеривалась взрывами. Когда вжимался в снег, когда...

Там-то и увидел.

В тумане.

Не на горизонте, а где-то дальше, дальше, там, где кончалась сама бесконечность. Светилось что-то в тумане, высоко-высоко, выше нашего плато, огни какого-то города – там, там. Впереди. Так впереди, что я понять не мог, где это впереди находится. Тогда и мысли не было, что там может быть другое возвышение, другое плато, да не смешите меня, какое возвышение после такой бойни, после такого падения цивилизации – в пропасть...

Теперь припоминаю.

Вершина.

Ну да.

Как насмешка над здравым смыслом.

Вершина.

- А телескоп у вас есть?

Тэ-экс, начинается. Сначала телескоп ему, потом крутилку ему, которая модели планет крутит, потом ещё эту штуку ему, которая звёзды показывает и светится, потом космический корабль ему, и на Луну...

Хочу сказать нет, не могу, где это видано, чтобы не было...

Надеваю на себя маску строгого дяди:

- Есть, но детям мы ничего не даём.
- Тогда... может, вы сами?
- Чего сам?
- Ну, это... на вершину посмотрите?
- Смотрел я на вершину.
- Да не-ет... вы в телескоп на неё гляньте, чего там...

Хочу огрызнуться, что телескоп – чтобы смотреть туда, в звёзды, тут же осекаюсь, кто сказал, что в звёзды, в какие звёзды, куда хочешь, туда и смотри...

Смотрю на телескоп, маленький, страшненький, из каких-то там германий-японий, каждый винтик этой штуки стоит больше, чем вся эта обсерватория. С телескопом не работал никогда, кто бы меня пустил, просто показали, как величайшую из святынь, только что не приложились лбом к полу, о великий...

Осторожно нажимаю рычаг, ме-е-е-едленно поворачиваю купол, чтобы окошко смотрело на запад. Пацанёнок вздрагивает, я тоже первый раз так и подскочил, когда завертелось...

Выдвигаю телескоп. Бережно. Бережно. Умная машина, сама знает, куда выдвигаться, на что смотреть. Что-то мерзёхонько похрустывает, гос-ди прости, нежели сломал... нет, вроде обошлось...

УВЕЛИЧЕНИЕ ×100.

Смотрю. Ничего не вижу, серая дымка, серый туман...

УВЕЛИЧЕНИЕ ×200.

Пустота. Какая-то особенная пустота, будто издевается надо мной.

– А можно я... – верещание под рукой, чёрт, я уже и забыл про мальчика...

– А невозможно... говорю тебе, детям не даём...

Мальчишка в ответ шепчет какую-то пошлятину насчёт детям не даём, обиделся... Ну ещё бы, папочка ему в хорошие времена Луну с неба только так доставал, только чадушко захочет, а тут на тебе, злой дядя телескопом не даёт побаловаться... Злому дяде самому завтра бошку отпилят, если узнают...

УВЕЛИЧЕНИЕ ×300.

Ну же...

Спохватываюсь.

Бью себя по лбу, что есть силы, идиотище я, идиотище, заслонку-то кто открывать должен...

Открываю заслонку.

Навожу резкость, пла-авно-плавно, ме-едленно-медленно, вижу...

Сжимается сердце.

Вот теперь никакой ошибки быть не может.

Вершина.

Там.

А на вершине...

...там...

Город.

Не город – огромный мегаполис, не мегаполис – гиганполис, насколько хватает глаз. Высотки... нет, не высотки, что-то лёгкое, воздушное, полупрозрачное, что-то появляется, исчезает, приходит из ниоткуда, уходит в никуда. Трассы, которые закручиваются на самих себя, изгибаются как будто не только в пространстве, но и во времени. Что-то не то пролетает в небе, не то скользит по небу, цепляясь за пустоту.

Где-то там, там.

На огромной высоте, перед которым наше Плато – жалкая кочка.

Где-то там. По ту сторону тёмных бездн и тёмных войн.

– А можно я, можно я-а-а?

– Мы детям ничего не да...

– ...так нече-естно...

Понимаю, что так и, правда, нечестно.

– Ну, смотри, тихохонько только... поломаешь, век потом не распла...

Тут же осекаюсь. Он-то расплатится, можете не сомневаться. Папочке позвонит, и...

Ладно, не о том речь.

Парень буквально присасывается к телескопу, кажется, стальной тубус сейчас хрустнет под побелевшими пальцами. Ну, куда ты его так вертишь, куд-да вертишь, это тебе карусель, что ли...

– Вау, крутя-ак...

– Да уж, крутяк...

– Он по ней ка-ак даст из пушки, а она от него на самолёте...

Вздрагиваю. Не понимаю, серьёзно он, или так, меня подразнить. Отпихиваем друг друга от телескопа, как дети, дай я, нет, дай я...

– Вон, дядька этот, видели, да? Он в неё палил...

Не вижу никакого дядьки. То есть, много вижу дядек, который из них – не знаю.

Город, который запутался сам в себе.

Город, который плюнул на все законы пространства и времени. Какие-то порталы. Миры. Измерения. Дамочка в чём-то эфирном, призрачном, щёлкает пальцами, в воздухе мелькает изобилие картинок, она выбирает что-то на призрачном экране, перед ней открывается одна картинка за другой... выбирает какую-то тряпку, даже не поймёшь, на какое место эта тряпка надевается, щёлкает на ввод...

Мысленно киваю: у нас тоже такое есть... закажи-ка с одного клика... потом тётки толпятся на почте с необъятными посылками, хрен через них пробьёшься за квартиру заплатить...

О чём я...

Ну да...

Экран расступается, в воздухе перед дамочкой висит аккуратный свёрток. На экране надпись на каком-то понавороченном новоязе: если не заберёте в течение тридцати секунд, товар уйдёт обратно...

– А можно я-а-а...

– Ну, смотри, смотри...

Лихорадочно прикидываю, сколько лет или сколько веков может быть от них до нас. Или сколько войн. Историю человечества давно пора измерять в войнах.

Заглянуть бы в глубины города. В подземелья. В подпространствья. В дымный чад фабрик, во внутренности, за счёт которых живёт город. Узнать, как он живёт, как дышит, как думает; почему-то кажется, что он думает...

– А можно я? Ну ещё чуть-чу-уть, ну пожа-алуйста...

Поворачиваю телескоп, ну на-на-на, смотри, не ори только, сторож услышит, мало никому не покажется... Стою ошарашенный, припоминаю какие-то учебники истории, твердящие в один голос: живём в лучшем из миров, после две тыщи пятнадцатого начинается эпоха хаоса и насилия, тёмные века, ведущие в бесконечность...

Вот, блин, сколько туда ходили, города никто не видел, а может, его раньше и не было, этого города, может, он недавно появился, из ниоткуда, вот так, родился в каких-то водоворотах истории, когда не тот человек раздавил не ту бабочку, или та бабочка не того человека...

Что мы вообще знаем про времена... я сам удивился, что телескоп видит сквозь время...

Навожу резкость, больше, больше, не терпится увидеть всё...

Мерзкий хруст, что-то щёлкает, вижу впереди небо, пустое, холодное...

Ещё не понимаю, что случилось. Ещё смотрю вниз, в лабиринты города, нашего города, ищу, куда закатилась труба телескопа...

Смотрю на обломки на асфальте...

ПРИЛОЖЕНИЕ

РАБОТА С ДОКУМЕНТАМИ

ДОГОВОР ОТ 11 ОКТЯБРЯ 2015 ГОДА ОБ ОСТАНОВКЕ ХОДА ИСТОРИИ ЧЕЛОВЕЧЕСТВА

Между строк...

1.3 Ещё один вариант сопоставления событий и времени: на этот раз мы имеем дело с двумерным, то есть плоским временем, на плоскости которого располагаются все события.

Из рисунка легко увидеть, что разные варианты событий в таком мире сосуществуют одновременно. Такой мир действительно обнаружен учёными, нашими соотечественниками, в 2134 г...

3

Корабли Колумба причаливают к берегам Индии. Тут же, параллельно, корабли Колумба причаливают к берегам Америки. И тут же корабли Колумба никуда не причаливают, плывут и плывут в бесконечном океане, потому что в этом варианте мира Земля не круглая, а плоская, длинная плоская лента с клочком суши – Евразией и Африкой. И тут же корабли Колумба, подхваченные штормом, идут на дно. И тут же корабли Колумба причаливают к берегам Атлантиды, которая не затонула. И тут же на кораблях Колумба поднимают мятеж. И...

Джордано Бруно под покровом ночи бежит из Венеции. И шесть лет спустя понимает, что поступил правильно – когда видит, как его самого сжигают на костре.

Люди из царской России хотят сбежать в страну большевиков, люди из страны большевиков хотят сбежать в царскую Россию.

Кто-то из братьев Райт в очередной раз падает на очередном неудачном летуне, с завистью смотрит на огромные самолёты, пересекающие небо в иной реальности.

Человек разумный в тёмном переулке пугливо шарахается от паука разумного – альтернативы ему самому. Паук разумный перебирает лапками по берегу моря, пугливо обходит осьминога разумного.

Астрономы в безлунные ночи наблюдают свечение огромных осколков альтернативной Земли, разлетевшейся от столкновения с альтернативным метеоритом.

Ш

Сегодня видел тебя с другим. Ещё ревность какая-то проснулась в душе, вот, блин, теперь он тебе шторочки вешает, не я. Не удержался, обогнал вас на улице, заглянул в лицо тому, другому, увидел самого себя.

Ещё радовался, что есть какой-то мир, где ты не разбилась. И мы не поссорились.

В тот же вечер увидел тебя, ты выходила из машины перед кинотеатром, вспышки видеокамер, толпы поклонников, ты раздаёшь автографы направо и налево. Твоё имя на афише, ты в доспехах какой-то воительницы. Пробился к тебе через толпу, попросил чиркнуть подпись, да вот, хоть на футболке, ты только руками развела: вы же из другой реальности, как же я вам автограф чиркну... На премьеру, правда, просочился, с меня даже денег не взяли, потому что я из другого мира, я места не занимаю.

На днях был на кладбище, увидел в какой-то из реальностей нашу с тобой общую могилу, ага, всё-таки сели с тобой в одну машину, вместе разбились...

Ещё через пару дней увидел тебя, когда тебя избивал какой-то громила, помню, кинулся тебя защищать. Легко сказать, защищать, будто можно повлиять на людей из параллельного мира. Ты повернулась ко мне, вежливенько так объяснила, что это дела семейные, и вообще, не ваши, мужчина, проблемы, вы в своём мире идите порядки наводите...

Долго искал тебя в той единственной реальности, где мы с тобой вместе. Вычислил, где мы вместе живём. Караулил у подъезда. Смотрел в окна. Кончилось дело тем, что однажды ко мне на улице подошёл я сам из другой реальности, сказал, что если я ещё буду околачиваться возле нас, то он меня...

...от себя такого не ожидал.

Глава 3. Смерть из будущего

Грохнуло.

Ещё.

И ещё.

Там, на Склоне. На западном. На восточном склоне, бывает, тоже грохочет, отголоски каких-то прошедших войн, помню, дед прислушивался, кивал, говорил:

– Мессеры.

Или:

– Фугаской.

Или:

– Наши вдарили... из «катюш».

С тех пор лет пять прошло, прислушиваться и говорить больше некому. Очень-очень редко долетают с восточного склона отголоски выстрелов не то Первой мировой, не то Наполеоновских войн, не то это одно и то же. Отголоски слабые, человек их уже не услышит, только собака какая-нибудь забрешет или кошка уши встопорчит: что-что там такое...

А сегодня ночью грохочет там. На западном склоне. Изредка слышится что-то знакомое, атомные взрывы, а потом за ними нечто и вовсе непонятное, вспышки, всполохи, вау-вау-вау-фью-фью-фью, пик-пик-пик-хрр-р-р...

Люди в домах прислушиваются. Гадают по всполохам, что там может быть. В сентябре там, в будущем, всегда как с цепи срываются, расстреливают друг друга вдоль и поперёк...

А это вот наши вдарили. На границе Плато и Склона, не иначе как со Склона перебежчики поперлись. Это тоже каждую осень. Пытаются пробраться сюда, в мир прошлого, во вчерашний день, где ещё нет войны. Если завтра пройти на рассвете мимо ограждений, можно увидеть, как с проволоки снимают трупы. Смотрят, с какой стороны умершие, с ихней или с нашей. Если с ихней, бросают туда, вниз по склону, на труп тут же набрасываются солдаты, как голодное воронье, ищут пушки, патроны, срывают амуницию... если с нашей стороны, увозят куда-то на скорой, напишут в протоколе – погибли в уличных перестрелках, не будут уточнять, в каких...

Родственникам компенсацию. И всё такое.

Стучат в окно.

Дождь, что ли... или град... бывало так по весне, просыпаюсь от стука в окно, в страхе бегу в комнату родителей, куда ходить нельзя, мама-папа, воры, и отец идёт к окну, смеётся, а-а, это капель... Ты смотри, Тимка, если бы там был кто, так тень бы на штору падала...

Вспоминаю отца, становится как-то спокойнее на душе. Надо бы позвонить как-нибудь... Позвонить уже не по самсунгу моему со стёртыми клавишами, а по во-он тому, понавороченному, стоит на полке, чёрт пойми, как им пользоваться; девушка, соедините меня с позавчерашним годом, когда папа мой умер... или самому там год набирать...

Стук повторяется.

Смотрю на тень в окне, есть-нет.

Холодеет спина. Тень. Чёткая, тёмная, и не обманешь себя, что это птичка какая-то или ещё какая безобидная хрень. Человек. Человек и есть, тёмный силуэт, как из ночных кошмаров, *и вдруг в окне показалась стра-аашная чёрная голова...*

Думаю, что делать. Проще всего высунуться и гаркнуть, чего надо-то, я не понял... и получить пулю в лоб. А то и не одну. Жалобно брнчат решётки на окне, решёточки у меня одно название...

Или позвонить куда следует. Алло, полиция... то-то на смех поднимут, здоровый мужик, какого-то попрошайку боишься.

Снова стучат в окно. Бренчат решётками. Хочется как в детстве, кинуться к папе с мамой, или позвонить отцу, папа, там воры, воры... И слышу в памяти голос отца, что ты как девчонка, чессслово...

ТЬФУ.

Кто это придумал, что мужчинам бояться нельзя... нет, если бы делали нашего брата из нержавеющей стали или титанового сплава, вживляли бы сразу вместо левой руки пушку, у которой заряды не кончаются, тогда конечно... а так...

Отдёргиваю шторы. Нет, у других это как-то получается, ка-ак высунется, ка-ак гаркнет, эт-то што такое, я щ-щас милицию вызову...

Стоит за окном в свете огрызка луны. Стоит как-то нехорошо, привалившись к стене, слабо поводит рукой. Распахиваю окошко, чёрт, что я делаю...

– Ч-чего надо-то, я н-не по... по-н-нял?

...исчез. Как-то быстро исчез, как будто растворился, издевается, что ли...

Треск домофона...

Хочется выйти, напирать хорошенько. Зачем-то нажимаю на клавишу. Жду.

Звонок в дверь. За стеной у Пал-Палны заходится лаем Зена, вот, блин, опять её хозяйка сама лаять будет, а-а-а, вам звоняа-а-ат, а у меня соба-а-ака, я её успоко-о-оить не могу-у-у... А я после твоего ора тоже успокоиться не могу...

Открываю дверь. Что я делаю, с ума сошёл...

Солдат.

Вот теперь вижу в свете ещё никем не выкрученной лампочки, солдат, в форме каких-то грядущих империй, лицо залито кровью, крепенько его зацепили...

Шагает мне навстречу, дуло пушки утыкается мне в шею.

– Ну, привет.

Даже не могу отозваться: привет и ты, коли не шутишь. Он идёт на меня, позорно отступаю назад, какого чёрта я пускаю его в свой дом, а легко сказать, попробуй не пусти, когда тебя на мушке держат... Да что на мушке, у него там такие оружия, какие мне и не снились...

В комнаты врывается едкий дух чего-то жжёного, ядовитого, прогоревшего. Солдат теснит меня. Даже не могу сказать, что дело подсудное. И что наши полицейские его как только найдут, расстреляют на месте. И что...

Грохот выстрелов. Там, на западе.

– Из пи-кьюшника грохнули... – шепчет солдат.

Киваю. Хочется спросить, что такое пи-кьюшник. Не спрашиваю. Всё равно не пойму. Я даже айфон с айпэдом не понимаю, сорванец мой на день рождения просит какой-то там андроид, мне стыдно спросить: а что это такое...

– Это... вот что...

Смотрю на пушку, приставленную к моему горлу:

– Ты чего, а?

Он будто сейчас замечает пушку, спохватывается:

– А-а... извини...

Снимает оружие, бросает в угол, так и жду, что сейчас эта штука выстрелит или взорвётся. Парень хочет что-то сказать, не может, в изнеможении опускается на пол, чёрт, ему же голову прострелили, а я тут крыльями хлопаю...

– Скорую?

Машет рукой, нет, нет, нет, ну ещё бы, наша скорая только руками разведёт, не своё время не обслуживаем... а потом ещё в полицию передаст, у вас тут этот... оттуда...

Ищу по квартире аптечку, где она, чёрт бы её драл, аптечка-то у меня живая, бегаёт по дому туда-сюда, прячется в самых укромных местах, а когда её хочешь вытащить, огрызается

и рычит. Неожиданно сам для себя натыкаюсь на аптечку, вот ты где, мать твою, ищу бинты, не нахожу, чёрт, где они, а-а, ну я же их не в аптечку положил, а куда-то, куда-то... куда...

Ищу бинты, бинты не ищутся, разбегаются по комнате, выскакивают из рук, руки тоже меня не слушаются, дрожат, кажется, вот-вот вырвутся, убегут...

Солдат неуклюже высвобождается из-под шлемов, перчаток, чего-то бронированного, вынимает из головы какие-то гаджеты-виджеты-хренжеты, мда-а, а в наши-то времена всё шутили, что надо бы просверлить в черепе отверстие для флешки... Оторопело смотрю, как он вытаскивает тюбик с какой-то едкой дрянью, подклеивает оторванные на руке пальцы, они приживаются с лёгким шипением... кивает мне, давай, давай свои бинты, привяжем для крепости.

Привязываю. Для крепости. Потихоньку думаю, как бы у него умыкнуть тюбик этой дряни, так, на всякий случай, а случай бывает вонючий... он как будто и сам всё понимает, протягивает мне, дарю, дарю...

Поворачивается затылком.

Вот, блин...

Хочется ляпнуть: я вам в нейрохирурги не нанимался. Не ляпаю. Склеиваю этой дрянью кусочки черепа. Бережно, прямо-таки ювелирно. Что-то подкатывает к горлу, вспоминаю, как в детстве первый раз потрошил глухаря, подбили с отцом на охоте, тогда вот так же мутило от розовых внутренностей, отец посмеивался: у-у, какие мы нежные...

Солдат довольно кивает, вытаскивает знакомую мне хрень с синими лучами. Ёкает сердце, вот ты каков, скотинище, подлечился, а теперь свидетеля, значит, того...

Нажимает невидимые клавиши.

Комнату окутывает тропический лес с кусочком ночного пляжа, где-то в кухне шумит призрачное море.

Благодарно киваю. Нехило. Штучку эту тоже надо будет уточнить...

Грохнуло.

Там, на восточном склоне. Смотрю на часы, киваю, час в час.

– Хиросима.

Говорю, сам пугаюсь своего голоса. Мой гость не отвечает. Он, может, уже не знает, что такое Хиросима, ему собственных Хиросим хватает.

Можно подумать, мы много знаем... от нас тоже много чего скрывают, это только в книжках главгерой уходит в прошлое, убивает там своего дедушку... лопатой... рыжий, рыжий, конопатый... У нас попробуй в прошлое просочись, кордон чёрта с два пропустит, а эти экспедиции, которые уходят туда под грифом секретно... сенсационные расследования... Наполеон Бонапарт – внебрачный сын Владимира Ленина...

Чёрта с два кто-то нам скажет правду...

Потихоньку встаю, плетусь в зал, посмотреть, как там мой гость. Уворачиваюсь от пальм, забываю, что они призрачные, призрачный попугай садится на моё плечо...

Солдат смотрит на меня блестящими глазами, похоже, не видит...

– Вам плохо?

Не слышит. Не понимает. Похоже, что-то не то я склеил ему в голове, да и то сказать, меня клеить никто не учил...

– Пи-кьюшники... не формат, не формат, ай-ти-эр не подходит...

– Ну конечно... где ж ему подойти...

– Эксы... эксы наступают... взяли... формат взяли...

Киваю:

– Сволочи.

Соображаю, что бы ему вколоть, или вызвать врача, какого-нибудь частника, которому половину сбережений отдашь за вызов, вторую половину – за молчание... да какие сбережения, всё за телескоп отдал, ещё должен остался...

– Урал... Уральская республика... ай-ти-эр...

Вздрагиваю. Во, блин...

– Европа... беженцы... беженцев не брать...

– Почему?

– Ривик... ривик... девяносто процентов... смертей...

Не понимаю. Болезнь какая-то, или какой-то новый метод не знаю чего, от чего мрут, как мухи...

– Наводи-наводи-наводи, цель по азимуту, бе-е-е-ей!

Зажимаю ему рот рукой, ты ещё заори, чтобы соседи сбежались... На кой хрен я его вообще пустил, вывести бы сейчас тихонечко и положить во дворе... вообще, в доме пятьсот квартир, нет, надо ко мне вломиться... Зена, ну только тьякни там за стеной, тварь...

– Маккензи наступает... договор о неразархивации...

– Нарушил?

Не отвечает. Слишком не понимаем друг друга.

– ...открыл экс-докс...

Смотрю в его лицо, чуть подсвеченное призрачной луной над призрачным морем, может, очухается, может, поймёт, что к чему...

Вздрагиваю.

Зачем я посмотрел в его лицо, зачем я узнал его...

Так вот какого чёрта припёрся ко мне... куда же ему было ещё переться с войны... Вспомнил, лет через десять – через двадцать вспомнил, где жил когда-то, ещё до войны, ещё до всего, а может, вообще, с пробитой головой забыл, что была какая-то там война, вернулся домой...

А ведь, чёрт возьми, надо узнать у него хоть что-нибудь, из первых рук: кто, куда, откуда, зачем, с чего вообще началась эта бойня... Нет, я понимаю, что наш лучший из миров всегда на грани войны, но что-то же случилось, что-то же послужило той последней каплей...

– С чего... с чего началось?

Смотрит на не меня, а куда-то сквозь меня, не видит, блин...

– Кто... кто начал?

Тот же эффект.

– Отвечай!

Встряхиваю его, самого себя, резко, грубо, что я делаю, раненый же...

– А... да нет, мой командир... мы не смогли... мы не удержим... у нас же нет ай-ти-пи...

– А почему у вас нет?

– Вы что... откуда... мы же не чипуем...

– Давно пора научиться, – говорю, понимаю, что несу какую-то чушь, – с чего началась война? С чего?

– Неизбежно... неизбежно...

– Неизбежно... всегда можно что-то попробовать... я не знаю...

– ...все варианты... все варианты... неизбежно... тупиковый путь...

Снова трясу его, что я делаю...

– Плато! Там, наверху, плато!

– Плато... – повторяет за мной, явно не понимает, что говорит.

– Как добраться? – уже сам понимаю, что кричу, – добраться... как?

Отворачивается. Засыпает. Или делает вид, что засыпает. Ладно, фиг с ним, тем лучше... отоспится, там и поговорим, что, куда и зачем... Если он вообще хоть что-то знает... А то ведь мы всё знаем про все времена, кроме одного-единственного, своего собственного...

...шучу...

Подскакивает, смотрит не то на меня, не то сквозь меня, сжимает моё плечо:

– Мост... мост...

– Какой мост?

– Мост...

– Бруклинский, Тауэрский, Босфорский?

– Мост... идите по мосту...

– Да по какому мосту, м-мать твою?

– По мосту... по мосту...

Зена, сука паршивая, заливается лаем, кто-то уже стучит в стену, правильно, нечего орать среди ночи, как изменить ход истории. Отпускаю самого себя, бредящего, раненного, укрываю самого себя каким-то пледом, ухожу спать, на моей кровати призрачное море лижет призрачный песок, акантастер гложет кораллы... как бы не ужалил... тьфу, чёрт, это же иллюзия...

Выкарабкиваюсь из-под одеял, не сразу понимаю, где я. Спальню окутывают вечнозелёные заросли, глазастая игрунка примостилась на краю дивана, чистит какую-то тропическую хрень. Где-то на улице бухает, бахает, не сразу поймёшь, на котором из склонов, неважно, лишь бы не на нашем Плато...

Спохватываюсь.

Вспоминаю.

Вот, чёрт...

И как теперь с ним жить прикажете... с ним... с этим... прятать в квартире... или не прятать... брат приехал из Юго-Западного Кызыл-Тулук-Каракалмыкскa погостить... а на какие шиши я его кормить должен, я уже сам на свои гроши не протяну, долг ещё этот за телескоп, и...

Без документов пришёл, вот где дело-то дрянь. Так бы устроился куда-нибудь... не знаю, куда. А что, мужик толковый, умеет что-нибудь... что он умеет... не знаю... а, ну да, он же – это я, что я умею... ничего я не умею. Совсем. В офисе сидеть, рекламные площади продавать. Траекторию солнца и то рассчитать не могу, оно у меня каждый день всё выше и выше... и все звёзды с ним... как будто плато наше день ото дня опускается.

Накатывает какая-то злоба на себя самого, нет, чш, так день начинать нельзя. Этот день передо мной ещё ни в чём не виноват, нечего на него собаку спускать. Тянусь к призрачной игрунке, тц-тц-тц-на-на-на, фьють, ускакала в заросли...

Выхожу в комнату, мой двойник лежит на диване, уснул наконец, и хорошо, может, отойдёт... нет, я в хорошем смысле, отойдёт. Человек – такая скотина, всё выдержит.

Не нравится мне, как он лежит. Подкрадываюсь, осторожно трогаю за плечо, что я делаю, спит человек, а я тут...

– Ты как... живой?

Левая рука безвольно соскальзывает с дивана, стучает о ковёр. Трясу его, ищу жилку на шее, не умею я искать эти жилки, холод, холод, запахок смерти...

Блин.

Соображаю, что делать дальше. Закопать во дворе. Ага, щ-шас. У всех на виду. Изрубить на куски, и... ты чего, Тимка, детективов обчитался? Ещё что... и как ни крути, остаётся только одно...

Одеваюсь. Долго не могу найти ключи, они у меня тоже живые, тоже бегают по всему дому, прячутся в самых укромных местах, а иногда приворовывают с собой ещё что-нибудь, ручку, например, или сотовый телефон, уносят в своих остреньких зубах. Выхожу из квартиры. Медленно. Как по воздуху. Кто-то проходит мимо, кто-то бряцает – здрасст, так и

кажется, все на меня смотрят, все видят, все знают, что у меня дома лежит труп, да ладно бы труп, а то труп оттуда, откуда приходит не велено ни живым, ни мёртвым...

От волнения не сразу вспоминаю, где у нас полиция, вот, блин, как не надо, так то и дело выскакивает из-за угла этот домик полицейский, а как надо, так не найдёшь.

Вваливаюсь в холл. Ещё надеюсь, что будет какая-нибудь очередь из ограбленных, изнасилованных, зарезанных, ещё успею подождать, собраться с мыслями...

– Что у вас?

Человек в форме смотрит на меня. Вот, блин, не отвертисься.

– Человек... умер.

– Родственник?

– Не-е... 3-знакомый.

– Пьяный?

– Нет.

– От чего умер?

– От ран.

Ага, вытаращился полицей, всполошился... Тэ-экс, и вот теперь поди-докажи, что не я его хлопнул... Так и хочется повернуться, уйти, а-а-а, из-звините, я вам ничего не говорил...

– Кто его?

– Не знаю... он ко мне ночью пришёл... оттуда...

Показываю на запад.

– Это вы на западный квартал сейчас показали, или *дальше*?

– *Дальше*.

– Вы что, с *тамошними* дружите?

– Да нет... он просто приполз... раненый...

– А говорите, знакомый.

– Ну да... это... я сам.

Уже нечего скрывать. Уже нечего таить. Полицей идёт за мной по рассветным улицам, мимо западных кварталов, мимо колючей проволоки, с которой снимают убитых, жаркая была ночка... правильно, нечего в чужое время лезть, вы сами в своём порядок наведите.

Порядок...

Он же говорил, все варианты...

Мост...

Что за мост...

– Здесь?

Открываю двери, какое-то чувство, что сейчас он оживёт, встанет и уйдёт... не знаю, почему. Мне так кажется.

Он лежит там же, на диване, рука безвольно свисает до пола. Страж порядка оторопело смотрит на цветущие джунгли и тропических змей, не бойтесь, не кусаются, не настоящие.

– Что делать будем? – спрашиваю.

– Это я у вас должен спрашивать, что делать будем...

– А что... не было таких случаев?

– Да как-то не припомню я, чтобы...

...чтобы люди добрые всяких в дом пускали, – мысленно добавляю про себя.

Тело чуть вздрагивает.

Во, блин.

Ещё, ещё... ожил, что ли... да нет, тает, тает, медленно, верно, растворяется сам в себе, сливается с призрачным пляжем, исчезают оба – и он, и пляж, будто и не было ничего...

– Ну вот, – кивает страж порядка, – нет человека... нет проблемы... кто сказал?

Пожимаю плечами. Не помню.

Только сейчас понимаю, как я устал...

Между строк...

1.4 И последний вариант, который мы, дорогие ребята, рассмотрим в этой главе. Линия событий и линия времени идут параллельно друг другу и не пересекаются.

До недавних времён считалось, что такой вариант существует только теоретически. Но последние исследования учёных (К. Джаймс, Сумь Гау Чун) показали, что существуют как минимум три таких параллельных мира. Также есть великое множество миров с мнимым непересечением времени и событий: то, что кажется двумя параллельными прямыми, на деле оказывается прямыми, которые пересекаются под очень острым углом в очень далёком будущем:

Почувствовать такое пересечение можно только с помощью сверхчувствительных приборов (Например, Ультратаймометр)

Лабораторная работа № 1 Путешествие на машине времени в прошлое до Большого Взрыва, измерение течения времени с помощью таймометра.

1. Внимательно ознакомьтесь с инструкцией по работе с капсулой времени...

4

Точка сингулярности не взрывается. Не появляются первые молекулы. Земля никогда не была раскалённым огненным шаром. Живые клетки никогда не складывались в многоклеточный организм. Хвощи никогда не выросли на суше. Трицератопсы никогда не паслись на зелёных холмах. Первые звери никогда не рыли землю в поисках червей. Первые люди никогда не разводили костры вокруг стоянки, отгонять диких зверей. Армия Македонского не поворачивала назад где-то в Китае, заскучав без родного дома. Христос не делил среди своих слушателей хлеб и рыбу. Фарадей не превращал магнетизм в электричество. Эйнштейн не писал знаменитое эм-цэ-квадрат. Гагарин не говорил – «Поехали!». Военные в Пентагоне никогда не собирали первые компьютерные сети...

IV

Мы с тобой не встречались.

Никогда.

Не было такого, чтобы у тебя рассыпались из сумки румяные яблоки, шоколадки, какая-то консервированная хрень, ты не смеялась, не собирала всё это по площади, я не предлагал донести сумку до дома.

Не было.

И про попугая ты не говорила, и я не жаловался, что жарко, и мы с тобой не пили вино, и я тебя не обнимал, и ты не говорила, ну что ты, нельзя так, после первой встречи, я хотел спросить: а после последней можно? – тут же спохватился, что скажу что-то не то.

Ты никогда не хлопала дверью.

Такого тоже не было.

И я не ругал тебя на чём свет стоит, я не звонил тебе – через два месяца, не было незнакомого женского голоса, а вам кого, а мне Иру, а-а, Ирочку...

Не было такого.

Никогда.

Разрозненные события мечутся где-то там, там, пустое время течёт само по себе, без них...

Глава 10, пришла откуда-то из прошлого Как там сейчас над горами

- Гляди, гляди, щ-шас рухнет!
- Мост-то, мост!
- А-а-а, завалился!
- Йес-с, свершилось!
- Архитектор хренов...
- Парни, вы ему скажите, в следующий раз вдоль пусть строит, а не поперёк!
- И чо?
- Может, устоит!
- Чего там?
- Да опять он свой мост между горами возводит... выдумал тоже...
- Денег куры не клюют у папочкиного сыночка, что ещё делать-то...
- Надо думать, там в ущелье цивилизации нет, мост и не держится...
- Мне бы такое бабло, я бы уж...

Он меня убьёт...

Может, не сейчас.

Может, не убьёт.

Нет, убьёт. Нарочно велел идти впереди него, вышагивает сзади, принаравливается для броска – один удар ножа, и меня нет.

Он-то своё дело знает...

На всякий случай оборачиваюсь:

– Я... никому не скажу.

– Знаю.

– Могила.

– Знаю.

Кивает. Голос добрый, глаза тусклые, будто смотрит не наружу, а внутрь себя. Зачем я здесь про могилу ляпнул...

Нет, не убьёт.

Хотя...

Чёрт его пойми...

Добрались до города. Хотели добраться к полудню, добрались затемно. Ну да ничего. Хотели добраться в июне, добрались в сентябре. Ну, тоже ничего. Хотели добраться в двенадцатом году, получилось – в сорок восьмом. Ну, это тоже не страшно. Хотели в десятом веке, получилось – в восемнадцатом.

Тоже ничего.

Главное, добрались. Дошли, доползли, домечтали, довоевали, доизобретали. Добрались до города на вершине холма, если это вообще можно назвать холмом – он, что ни год, становился всё круче, всё выше, уже не холм – гора, не гора – утёс. Уже давно побросали повозки, обозы, лошадей, давно пересели на паровозы и паромобили, давно разогнали почтовых голубей, вместо них провели телеграф.

Добрались до города.

Истосковались, конечно, без города. Замаялись ночевать незнамо где – в бедняцких хижинах, в деревянных избах, замаялись таскать воду из колодца, замаялись тачать сапоги в

кустарных мастерских, сжигать еретиков на кострах, умирать от чумы. Поднимались к городу – из века в век, из поколения в поколение, водили детей на воскресную службу, показывали на город, там, на вершине горы, смотрите, смотрите... Не сейчас, не сейчас, но когда-нибудь... не мы, не вы, но ваши дети...

Добрались. Вошли в город – большой, светлый, белокаменный, со стеклянными окнами, с паровыми котлами и воздушными шарами. Первым, конечно, открыл ворота города сын вождя, примчался, смотрите, смотрите, а там и мосты разводные есть, и телефон есть, папка, айда к себе в кабинет, я тебе сейчас позвоню!

Высочка чёртвов...

Этому-то высочке и дом достался переее всех, на площади, нам уже что похуже. Нет, мне грех жаловаться, мой отец тоже вельможа не последний, а всё равно мне до сына вождя как до города пешком...

Тьфу, сказанул... до города пешком... дошли уже до города...

Он меня убьёт.

Затылком чувствую – убьёт.

А может, нет. С чего я взял, что он меня прихлопнет, что я, тайны хранить не умею...

Идём к городу – по узкой полоске земли, на которой всё: и города, и не-города, и вся наша жизнь. Тянется полоска земли из ниоткуда в никуда, то поднимается – неприступной горой, то опускается – в пропасть.

Идём. Тащим лопаты – непривычно тяжёлые, ещё думаю, как бы он этой лопатой не разбил мне голову.

Я не скажу, кого мы хоронили.

Не скажу...

Уходили из города.

Не сразу, конечно. Жили в городе на вершине горы – века и века, строили какую-то эпоху благоденствия, поэты наперебой восхваляли наш просвещённый век. До последнего не верили, что скатимся вниз – с горы. Да как это можно – вниз, с горы, да что там дальше – только крутой спуск, глухие леса, дикарские хижины, огни костров. Так зачем идти куда-то дальше – вниз, вниз, в холодный туман...

И всё-таки – случилось.

Нет, сначала ничего не случилось – к исходу из города мы катились постепенно. Всё началось с вельмож, которые хоть и получили дома хорошие, а всё не такие, как у вождя, и тем паче, у сына вождя. Хаживали вечерами к моему отцу, сиживали в закрытых комнатах. Говорили про цены на зерно, про неурожай, про уголь, про сахар, про то, что выгодно торговать шёлком. И между делом – тихохонько, остороженько – намекали, что неплохо бы вождя... и сынульку его... и самим бы...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.